

Рассказ

Очередной раз я отправляла брата Витю с помощью его друга на «химию» в онкологический диспансер. Брат был совсем плох. В такси он лежал на заднем сиденье, положив голову на колени товарища.

В коридоре перед кабинетом – масса народа. Брат не сел на скамейку, он опустился прямо на пол, согнув ноги в коленях, и прислонился спиной к стене. Когда нас вызвали, он не смог встать. На мои отчаянные мольбы вызвали медицинскую машину с носилками. После всех формальностей брата довели до корпуса химиотерапии и на лифте подняли на четвёртый этаж, в палату внесли на носилках.

Он ещё хорохорился, отводил мою руку, когда я старалась ему помочь. Встал с койки, шатаясь, пошёл в туалет в «предбаннике» палаты. Я не успела даже среагировать, когда он резко упал на кафельный пол в туалете, приземлившись на оба локтя. И потом несколько дней мы обрабатывали специальным спреем его синие-красные болячки.

Каждый день с утра, к девяти часам, я ехала к брату в больницу – до обхода врачей надо было «прибраться». Брат считался лежащим – вход мне был разрешён в любое время.

По приходу я убирала пакет с мусором из-под его кровати, мусор валялся обычно и вокруг пакета. Выливала содержимое его «утки» и баночки с рвотой. Поправляла размятанную постель. Закончив уборку, вытаскивала принесённые фрукты и припасы, кипятила воду в бокалах, и мы с братом пили кофе.

У Виктора был хороший молодой сосед по палате, деловитый и отзывчивый. Уходя на ночь, я поручала брата ему. Сосед обучал Витю пользоваться недавно купленным планшетом, у них завязалось общение.

В десять часов утра – обход. В палату заходила очень милая врач Ирина Александровна, высокая, красивая молодая женщина. Когда она входила в палату, все больные мужчины приободрялись, глядя на эту свежую, цветущую женщину в безупречно белом халате. Она улыбалась больным и по очереди расспрашивала их о самочувствии. Обычно меня просили посидеть на время обхода в коридоре. Выходя из палаты, Ирина Александровна обращалась ко мне с мягкой улыбкой: «Ваш брат молодец, не

хандрит, я спросила: какие будут просьбы?» – он ответил: «Чтобы Вы заходили почаще, да неплохо бы в больнице иметь библиотеку».

Через час после обхода кого-то звали на уколы, к кому-то привозили капельницы. Брату ставили капельницы из четырёх пакетов. Он долго лежал неподвижно, боясь сорвать катетер, а я сидела на стульчике у двери палаты и следила за опустошением пакетов, чтобы вовремя позвать медсестру и переключать катетер.

Бывали дни, когда Виктор чувствовал себя лучше и даже вставал, и тогда мы с ним «партизанили»: на верхней площадке боковой лестницы он курил, а я стояла внизу лестницы «на стрёме». Но чаще он лежал в отрешённом забытьи – ему было трудно и больно даже перевернуться на другой бок.

Это был уже пятый раунд «химиотерапии»... Мне казалось, что лежащим на всём этаже был только мой брат. Остальные гуляли по коридорам, сами ходили до столовой, неся в руках небольшие приборчики химиотерапии, провода от которых входили в их тело через катетеры. Мой брат не носил такой приборчик. Он вообще был здесь как бы на «иммунотерапии перед третьей операцией»: я так и не смогла ему сказать, что его третья раковая опухоль признана неоперабельной и всё, чем ему теперь может помочь медицина, это постоянное обезболивание и поддержка организма различными препаратами. Он был приговорён.

Когда Виктор нетерпеливо спрашивал: «Ну когда же операция? Что врачи говорят?» – я беспомощно отводила глаза и мямлила: «Да и мне ничего не говорят определённого. Говорят, ты ослаб, сильно исхудал, нужно сначала иммунотерапию пройти...». После первой операции по удалению левой почки хирург сказал мне: «Что-то там у него всё-таки не очень хорошо...» Но на химию тогда почему-то не послал. Через месяц после первой операции брату вырезали уже вторую опухоль – в мочеточнике – и снова хирург не направил Витю на химиотерапию, его отправили домой с указанием явиться через три месяца на контроль. Хирург уверял, что у брата всё в порядке. Но за эти три месяца выросла большая третья раковая опухоль в эпигастральной области (по всему животу), которая метастазами проникла в нервные окончания. Виктор испытывал сильные

боли в животе. Онколог в районной поликлинике выписал ему уколы морфина, я ездила за ампулами в социальную аптеку, получала их бесплатно по доверенности от брата. В онкологической больнице вместо уколов морфина брату ставили на плечи раз в три дня высококачественный специальный пластырь Фендивия, обладающий обезболивающей силой.

Дома Вите всегда было хуже, чем в больнице. Он уверял, что капельницы поднимают его на ноги – и это действительно было так! К тому же он уже испытывал психологическую зависимость от окружения белыми халатами. И я упрямо возила его «на химию», даже на носилках, для его успокоения.

В палате у Виктора часто менялись соседи, но все быстро привыкали, что на стуле у двери палаты с 9 часов утра до пяти – семи вечера дежурит «сиделка» – это я. Вите, кроме слезки за капельницами, нужно было приносить еду из столовой, готовить кофе, подавать воду, при тошноте опорожнять баночку с рвотной массой. Без стеснения я держала в руках узкую, в форме кувшина, пластмассовую «утку», пока брат, тяжело встав с постели на две ноги, держась за моё плечо одной рукой, справлял малую нужду в эту «утку». Потом я помогала ему лечь в постель, расправляла на нём одеяло и бежала в санузел опорожнить и сполоснуть ёмкость. Со стулом у брата было очень плохо, и я покупала в аптеке напротив клизмы с готовым раствором внутри. После этих тяжких для него процедур Виктор, обессиленный, падал, а я отмывала пол, стены и даже ручку двери в туалете...

Я знала, что нужна брату! Вот и сидела днями в душевной палате. Стояло лето – жара нещадная. Витя лежал в одних трусах на постели. У меня сердце сжималось от жалости: на его ножонках не было ни грамма мяса и мускулов – на постели лежал экспонат из кабинета анатомии, то есть попросту скелет. Кожа в морщинах свисала от костей. А ведь всего год назад его тело было красивым, с крепкими мышцами...

Но ни разу Виктор не проявил слабости духа. Он не кричал, не жаловался. В минуты сильной боли только скрежетал зубами. Его губы были всегда плотно сжаты, сухое аскетичное лицо выражало внутреннюю собранность.

Мужчины в палате бывали разные, многие возвращались в «химию» уже в пятый и даже в десятый раз. Были и молодые умники с гаджетами, и старые ворчуны, и храпуны, и неумолчные брюзги. У одного целый день был включён транзистор, другой больной постоянно ругался матом, не обращая на меня внимания.

На улице стояла тридцатиградусная жара, в окна без штор палило солнце. Я специально купила плотную кальку и строительный скотч – лазила по узкому подоконнику и клеила окна, двое мужчин стояли внизу и страховали меня. Все были благодарны. Иногда я даже принимала участие в общих разговорах. Как-то в палату вселился «абориген» химиотерапии – на семи койках четверо сразу подняли головы: «Привет, полковник!». Мужчина, плотный, самодовольный, вёл себя авторитарно, раздавал приказания соседям, разглагольствовал

на разные темы, неуважительно говорил иногда «бабах», сопровождая свои рассказы фривольными подробностями. Как-то раз он обрушился на евреев: «Ну вы посмотрите: все начальники, все главные – евреи! Русских затирают!». Его верные слушатели поддакивали, а я вдруг встряла: «Ну зачем Вы так? Евреи в основном умные и деловые люди, вот они и выходят в главные, а мы, русские, в большинстве своём долго чешем затылок и в лениности долго не решаемся двинуться вперёд, лежим и мечтаем на Емелиной печи...».

С одной койки молодой парень восточной внешности ответил мне согласным взглядом. Другие больные смотрели на меня неодобрительно. И я вдруг подумала: зря я встряла, ведь этот полковник своей энергией отвлекает тяжело больных людей от печальных раздумий о своей судьбе. Пусть он в чём-то не прав, но им нужен вот такой уверенный в себе балагур, он поднимает их жизненный тонус...

Я вышла из палаты и отправилась на улицу покурить. На территории в гуще деревьев и кустов прямо за корпусом у больных было своё потайное местечко для курения. «Курить до смерти охота!» – оправдывался один из этих «партизан». Однажды с большим трудом я вывезла сюда брата на кресла-каталке, брат свободно покурив, подышал свежим воздухом и был очень рад.

Через некоторое время Виктор перестал задавать мне вопросы об операции. Может, в палате кто-то «просветил» его. Скорее всего, полковник...

Витя уже два месяца безуспешно пытался пригласить к себе домой священника – своего духовника из церкви им. Александра Невского, где он был примерным прихожанином и до болезни раз в месяц всегда исповедовался и причащался. Эту церковь в данное время реставрировали, там шло большое строительство, и батюшка постоянно был занят. Теперь, лёжа в «химии», брат попросил меня найти ему батюшку для исповеди и причастия.

На территории областной клинической больницы, рядом с онкологией, стоит храм бессеребряников Космы и Дамиана, древних врачей-врачевателей. И я рано утром отправилась туда. Красивый храм, богатый, хотя и в реставрационных лесах. На дорожках с купами кустов с красивыми цветами я увидела высокого и мощного телом человека в рясе, с окладистой бородой – он разговаривал с бригадой строителей. Я решила подойти: «Вы здесь батюшка?». Он отошёл от группы рабочих и внимательно меня выслушал. Отец Олег спокойно и ласково сказал: «Передайте брату, чтобы ждал меня завтра в 9 часов утра».

Он сдержал своё слово, несмотря на занятость. Вся палата мне потом рассказывала, как к ним приходил статный и красивый батюшка. Все вышли, и Витя исповедовался и причастился. В тумбочку я клала брату 2000 рублей, чтобы он поблагодарил батюшку, но отец Олег деньги не взял, сказал брату: «Как поднимешься – сам приходи в храм ко мне». В душе я очень благодарна отцу Олегу: причастившись, мой брат стал спокойнее.

После обеда время тянулось для меня томительно: Витя и все остальные обитатели палаты

спали, причем до глубокого вечера. Меня и саму клонило ко сну, но на стуле особо не подремлешь. И брат разрешил мне уходить не в семь вечера, а в три часа дня, когда в палате сонно, спокойно, и нет процедур.

Я всегда уходила от брата в тяжёлом состоянии духа, потому не спешила, шла покурить в ставшую уже привычной компанию людей в тапочках в потайном месте за корпусом. На этот раз издали ещё услышала дружный смех. Душа компании, плотный бодрячок рассказывал анекдоты. Я поразились тому, какие это были анекдоты: раковые больные шутили даже о смерти. «Лежат в палате двое раковых, один другого спрашивает: «Ты кем работал?» – «Могилы на кладбище копал». – «Ну как, от чего люди больше всего умирают, от рака?» – «Да нет, ведь на венках всё написано: «От коллег», «От родных», «От друзей», «От семьи»...». Все снова дружно рассмеялись. Один сидел с очень унылым видом, с опущенной к земле головой. Бодряк хлопнул его по плечу: «Да погоди ты себя хоронить! Вот ведь сидим, курим, веселимся – значит, ещё поживём! И вообще, ты что, не знаешь: у Бога нет мёртвых, у него мы все – живые. Встретимся все ТАМ – и опять будем травить анекдоты!». Унылый слабо улыбнулся в ответ.

На улице, по которой я тащусь от больницы до трамвая, находится городская тюрьма – мрачное четырёхэтажное серое здание с рядами проволоки поверх высокого, грязного бетонного забора и решётками на окнах. Интересно: там, в камерах, слышен уличный шум? Окна такие запylённые! На тротуаре напротив тюрьмы прыгают и размахивают руками молодая женщина и трое детей лет 4, 7 и 11-и. Они смотрят в пыльное окно на четвёртом

этаже и кому-то приветственно машут руками, что-то кричат. Свидание через окно и через дорогу... Вот ведь и в таком месте есть жизнь и Надежда!

Уходя домой всякий раз в тягостном настроении, я не осиливаю долгую дорогу до остановки трамвая, по ходу есть хороший зелёный сквер с уютными скамеечками со спинками. Здесь я каждый день присаживаюсь перекурить. Сижу, размышляю, виню себя: почему после первой операции молча согласилась с хирургом и не настояла на обязательной химии для брата?! Почему три месяца выжидала приглашения «на контроль»? Надо было уже через месяц пойти на МРТ, проверить брата изнутри и – бежать в больницу! Кто здесь прав, кто виноват, и изменилось бы что-нибудь от вмешательства моей воли? Эти вопросы будут мучить всю жизнь...

Я сидела на скамье и тупо смотрела в асфальт дорожки. Вдруг заметила: по асфальту ползут две красненькие маленькие букашки, сцепленной двойкой, быстро-быстро перебирают лапками. Подумалось: торопится семья домой, дружная парочка. И нежность осветила душу. Все мы: и люди, и вот эти букашки – божьи твари, должны любить и уважать друг друга. Невольно я стала ревниво следить, чтобы рассеянные прохожие не раздавили эту парочку. Поднявшись со скамьи, я встала над ползущими букашками, чтобы люди меня обходили. Беспокойство не унималось: вот ведь в следующий раз кто-нибудь раздавит этих божьих тварей! И вспомнились слова бодряка, что мы и ТАМ продолжим жить и делать обычные свои дела. значит, и букашки ТАМ добегут до своего дома благополучно.

И я впервые за эти дни светло улыбнулась...

СТИРАЛЬНАЯ МАШИНА

Два года я не могла купить себе стиральную машину. Откладывала деньги с пенсии, копила. Но тут неожиданно сильно заболел мой любимый братишка. И все мои заначки ушли на платные анализы, на ампулы с дорогими уколами. Брат болел целый год. Полгода назад рак добил его, и это горе ещё долго будет мучить мою душу. Я снова копила деньги, стиральная машина стала вожделенной. И вот, наконец, я помчалась по магазинам бытовой техники. Купила. Привезли. Установили. Собрав и выбросив упаковочный мусор на помойку, я села на крышку унитаза напротив стиральной машины, чтобы полюбоваться на неё... Но странно: ни радости, ни воодушевления не почувствовала. Моя семья – память да я. И ручной стиркой я вполне обходилась... Задумалась: а так ли уж нужна мне эта новая вещь? Вот брат... Только недавно, к 66 годам, он получил, наконец-то, отдельную квартиру, промучившись всю жизнь на койко-месте в квартире большой родительской семьи, где пьянствующий племянник не давал никому покоя. Братишка только начал энергичный ремонт в новой квартире, как его неожиданно настигла страшная болезнь. И эта отдельная квартира сразу потеряла свою значимость. Куча коробок с неразобранными вещами так и осталась стоять вдоль одной стены и никакого интереса уже

не вызывала. Только полка с иконами напротив изголовья постели теперь привлекала взгляд брата...

Вот и я глубоко задумалась. На кой ляд мне эта стиральная машина?! Вон на столе лежат взятые вчера в библиотеке книги, великолепные стихи и романы, блаженство чтения ожидает меня целую неделю! Вечером забегу в «Одноклассники» и пошлю от всей души «цветочки» моим дорогим друзьям, рассеявшимся по всей России. Снова будут радостные встречи с друзьями детства здесь, в Ульяновске. Летом поеду на деревенскую свадьбу к внучатой племяннице – то-то радость! Да прихватю с собой акварель – там такая живописная природа! Вот это вожделение предстоящего страстного творчества по-настоящему волнует. Весной снова на том дереве по пути к дому сестры появится и будет удивлять и радовать шаровидная купа ярко-розовых листьев – как это «японское» дерево появилось тут? Снова будет лето, и ласковое солнце будет гладить теплом кожу, а свежий вечерний ветерок с Волги будет нашёптывать строки новых стихотворений... Вот что важно: то, что видят глаза, что слышат уши, что ощущает кожа, важны мысли в голове, чувства в душе... А стиральная машина – ну что ж, пусть будет, раз уж куплена.